

«Звук и отзвук». Обзор критической мысли о творчестве Владимира Набокова

А. Е. Шапиро (Литварь)

*соискатель кафедры зарубежной литературы Литературного института им. Горького,
alexandra.litvar@gmail.com*

В статье рассматривается процесс критического постижения наследия В. В. Набокова в русскоязычной зарубежной (эмигрантской), советской и русской критике. Анализируются не столько рецензии, сколько попытки их осмыслить, имевшие место в XX и XXI веках. Цель данной статьи – обозначить «знаковые» явления критической «набоковианы» разных лет, выделяя те работы, в которых прослеживается резонанс набоковского творчества в профессиональной литературоведческой журналистской среде.

Ключевые слова: В.В. Набоков, набоковедение, критическое наследие, литература XX века, двуязычие.

Для цитаты: Шапиро А.Е. «Звук и отзвук». Обзор критической мысли о творчестве Владимира Набокова. [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №1. URL: <http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

Shapiro A.E. (Litvar). «Sound and Repercussion». A review of critical response to Vladimir Nabokov's art. Jelektronnyj resurs «Jazik I tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 1. Available at: <http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Творчество В. В. Набокова представляет особый интерес не только с точки зрения своего непреходящего художественного значения, но и благодаря тому, что произведения уникального писателя-билингва отображают если не две языковые картины мира – России и Америки, то, по меньшей мере, их своеобразные смысловые, образные, лексические наложения, а иногда и столкновения. Критический анализ набоковского литературного наследия давно уже не вписывается в локальные рамки «национально-территориального» литературоведения. Объем обзорных, критических, исследовательских работ, направленных на изучение жизни, языка, поэтики и в широком смысле – литературной судьбы писателя и его сочинений, свидетельствует о том, что «набоковедение» – самостоятельная часть мировой гуманитарной культуры. Именно это обстоятельство позволяет сегодня изучать не только набоковские «первоисточники», но и наиболее интересные критические работы, посвященные им. Зачастую диаметрально противоположные аналитические методики отражают не только разнящиеся литературоведческие традиции, но в определенной степени – многомерность самой поэтики писателя. Двуязычие – важнейшее, но не единственное свойство, вызывающее значительный аналитический интерес к Набокову. Едва ли не определяющее значение здесь имеет грандиозность жанрово-стилевого охвата набоковского литературного мира. Проза и поэзия, драма и литературно-художественная аналитика, переводы и многое другое – все это проецирует множественность аналитических взглядов и подходов.

Существует принципиальная разница в том, как развивалась критическая мысль о Набокове в России и на Западе в XX столетии. Наиболее авторитетные евро-атлантические издания не пропускали ни одной крупной работы известнейшего русского эмигранта. За прижизненную славу в Америке и Европе писатель заплатил дорогой ценой. По известным причинам имя и творчество литератора были под запретом на его исторической родине. «Прорыв» произошел в 90-х годах прошлого века, когда с имени и сочинений писателя был снят гриф «недозволенности». Первые же публикации романов, стихов и аналитических эссе Набокова в перестроечной России вызвали неподдельный общественный резонанс в широкой читательской аудитории и, как следствие, – отклик в критической и научной среде. Для многих российских аналитиков набоковское слово стало своеобразным символом нового, свободного дыхания. Отзывы могли быть восторженными, но в то же время – уничижительными, сугубо отрицательными. Не было, пожалуй, только одного – равнодушия к вновь или впервые обретаемым литературным артефактам. Уже к началу XXI века «набоковедение» для России стало такой же данностью, как и для «других берегов» уникального по охвату набоковского литературного материка.

Мы не ставим перед собой задачи воссоздания полной картины критического постижения различных аспектов творчества Набокова. Это тема отдельного и весьма объемного труда. В специальном исследовании, посвященном критическим отзывам на творчество писателя, наиболее оправданной была бы периодизация работ по принципу естественного исторического процесса: от авторов первой эмигрантской волны до исследователей советского и постсоветского периода. Наша же цель – обозначить лишь отдельные, как нам представляется, знаковые (и в позитивном, и в негативном смысле) явления критической набоковианы разных лет, причем выделить именно работы, характерные для профессиональной литературоведческой и журналистской среды.

Автор первой публикации, в которой предпринята попытка осмыслить восприятие творчества Набокова русскими критиками начального периода, когда он писал на русском языке в Германии и Франции, – Эллендеа Проффер [15, с. 253-260]. Материал был опубликован еще при жизни писателя к его 70-летию. Следующей (на ту же тему) вышла статья Славы Паперно и Джона В. Агопяна [14, с.99–117]. Авторы обозначили отношение к писателю на его исторической родине как молчание – «агрессивное, полное и осторожное» (до, во время и после Сталина).

1972 годом датируется исследование Людмилы Александровны Фостер [12, с. 330–341]. Здесь рассматривались лишь рецензии, напечатанные в журналах и сборниках. Такая избирательность мало оправдана, поскольку основной корпус рецензий на сочинения Набокова сконцентрирован в многочисленных газетных публикациях. Увы, именно локализация издательского поля в реестре Фостер привела к тому, что и позже некоторыми исследователями игнорировались многочисленные заметки в западной периодике. Так, Норман Пейдж ошибочно утверждает факт отсутствия каких бы то ни было рецензий на роман «Дар» в эмигрантской среде. По счастью, это не очень повлияло в качестве изданного им сборника «Nabokov. The Critical Heritage» [13]. Главное достоинство сборника Пейджа заключается в систематизации и оценке англоязычной критики Набокова.

В 1995 году появилась работа А. Зверева «Literary Return to Russia» [17, с. 291–305.], в которой рассматривается процесс публикации произведений Набокова (после отмены запрета

на их издание в России). Зверев анализирует ряд крупных исследований, например А. Г. Битова, А. С. Мулярчика и Н. А. Анастасьева, О. Н. Михайлова, Д. М. Урнова, вышедших в период повышенного интереса к творчеству Набокова.

Заметим, что многочисленные изыскания, посвященные истории откликов на творчество Набокова, появившиеся в последние десятилетия, зачастую грешат большими фактологическими вольностями и даже фальсификациями. Подобное происходит вследствие того, что отдельные критики пытаются едва ли не насильственно вписать произведения Набокова в привычные схемы классических или же постмодернистских литературных канонов, априори отвергая «инаковость» и очевидную самобытность его творчества. Оценка критики творчества Набокова зачастую становилась такой же ангажированной, как и сама критика, если угол зрения исследователя направлялся исключительно идеологическими, политическими и прочими конъюнктурными соображениями. Творчество такого многомерного художника, как Набоков, при желании можно связать со многими факторами и явлениями *текущего времени*, которые на самом деле чрезвычайно далеки от сущности его подлинного мирозерцания. Это происходило при жизни писателя и, увы, происходит сегодня. Вместе с тем, по счастью, появляются исследования, в которых дается беспристрастная и во всех смыслах корректная оценка развития критической набоковианы.

В 1995 году вышел сборник «The Garland companion to Vladimir Nabokov», одна из статей которого посвящена проблемам критики сочинений писателя. Русской (эмигрантской) ее части посвящен всего лишь один абзац, основанный на воспоминаниях самого писателя и книге Г. П. Струве «Русская литература в изгнании» [8].

Попытки систематизировать смысловые приоритеты набоковедения предпринимались неоднократно. Согласно Стивену Яну Паркеру, по совместительству редактору «The Nabokovian» – американского аналога «Набоковского вестника», критику раннего периода творчества писателя можно разделить на два типа: негодование по поводу игнорирования Набоковым традиций русской классики (ее эстетических, этических и стилистических ценностей) и, с другой стороны, – превознесение так называемого набоковского авангардизма. Сегодня кажется удивительным, что чрезмерно политизированные аналитики часто забывали то, что писатель, который по словам Н. Берберовой, оправдал своим творчеством жизненные искания целого поколения русских эмигрантов [16, с. 68], теснейшим образом был связан со всем значительным, что было в русской литературе до него (от Пушкина до Чехова). Это родство не помешало, а помогло художнику обрести свою неповторимую интонацию в глобальном «литературном концерте». Голос Набокова в этом смысле по-настоящему симфоничен. Это не формальное отражение какого-то избранного в национальном и идеологическом отношении «литературного мелоса», а ретрансляция целого космоса ментальных, стилевых, языковых идей. Авангардизм Набокова не имеет ничего общего с каким бы то ни было эстетическим нигилизмом. В основе многих открытий писателя – стремление не игнорировать и не безвольно использовать, но вдохновенно преодолевать привычные литературные схемы.

В 2000 году вышло в свет интересное издание – «Классик без ретуши» – под редакцией Н. Г. Мельникова [3], собравшее ряд статей и критических отзывов о творчестве писателя разных этапов: периода Сирина, раннего Набокова, эмигрантских лет, непосредственно до, во время и после издания «Лолиты» и др. Рецензии сгруппированы, казалось бы, очень просто: по

произведениям писателя. Но в сборнике гораздо шире, чем где бы то ни было, представлены русскоязычные критические статьи. Не достает лишь отзывов советского периода. В 2013 году исследователь опубликовал еще один сборник – «Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников (1910—1980-е годы)» [5]. Отзывы на творчество Набокова в приводимых Мельниковым источниках весьма разноплановы, а в некоторых случаях отличаются крайним субъективизмом, что так или иначе отражает реальную картину состояния критической набоковианы.

На сегодняшний день наиболее подробное исследование русскоязычной критики набоковского творчества провела в рамках своей диссертационной работы «Восприятие В. Набокова в русской критике (1921 – 1991)» О. Н. Дюбанкова (Шеховцова). Увы, в связи с кончиной автора в 2005 году диссертация не была представлена к защите, но, по счастью, вышла в формате монографии [2]. Складывается впечатление, что О. Н. Дюбанкова собрала едва ли не все имеющиеся рецензии, отзывы и статьи, написанные о Набокове при его жизни и посмертно. При этом исследование ограничивается всесторонним осмыслением русскоязычной критики.

На взгляд автора, лучшим отзывом на тему советского набоковедения является статья И. Н. Толстого «Зубастая женщина, или Набоков после психоза» [9, с.178–183.], в которой критикуются издания произведений Набокова с многочисленными опечатками, купюрами, некорректными переводами, а также разного рода неточности в статьях таких именитых критиков как О. Н. Михайлов, Я. М. Маркович, С. П. Залыгин.

Указывая на неверную датировку романа «Приглашение на казнь» («1938-й» вместо «1935 – 36 гг.»), О. Н. Дюбанкова опровергает теорию В. В. Ерофеева о том, что русские произведения Владимира Набокова представляют собой своего рода глобальный «метароман». Автор отмечает неоднозначность критики даже в рамках одного периода творчества писателя. Взять, к примеру, хотя бы диаметрально противоположные по смыслу и оценкам отзывы из ранней эмигрантской критики. Существовала группа литераторов, однозначно восторгавшаяся Набоковым (В. Ф. Ходасевич, Г. П. Струве, Н. Н. Берберова и др.), но были и представители, так сказать, жесткого неприятия (так называемая «Парижская группа»). Подобием критического разгрома можно считать полемику в журнале «Числа», спровоцированную крупнейшими представителями русской литературной эмиграции (Г. В. Иванов, Г. В. Адамович, З. Н. Гиппиус и др.). Наиболее яркой иллюстрацией отторжения набоковской поэтики со стороны видных русских «парижан» являются слова З. Н. Гиппиус: «Как великолепно умеет он говорить, чтобы сказать... ничего! Потому что сказать ему – нечего!» [1, с.143].

Известно, что сам Набоков обычно не обращал особого внимания на критику (как отрицательную, так и восторженную), или, по крайней мере, старался не реагировать на нее публично. В своих интервью писатель не раз отмечал, что мнение внешних аналитиков его мало интересует, что идеальный читатель и критик собственных литературных трудов – он сам. Однако было бы опрометчивым полагать, что все нападки оставляли Набокова равнодушным. Так, на обвинения Г. В. Иванова и З. Н. Гиппиус писатель все же ответил в свойственной ему элегантно манере почти десять лет спустя после объявленной ему «войны»: «[...] и Зинаиде Гиппиус, и Георгию Иванову, двум незаурядным поэтам, никогда, никогда не следовало бы баловаться прозой» [7, с. 283–285.]. К тому же под псевдонимом Vivian Calmbrood (анаграмма Vladimir Nabokov) писатель опубликовал хлесткую эпиграмму в адрес всех своих

недругов из «Чисел». И, наконец, он иносказательно воплотил образы Г. В. Иванова, Г. В. Адамовича и З. Н. Гиппиус в своих знаковых произведениях: «Уста к устам», «Дар», «Другие берега», «Пнин», «Смотри на арлекинов!».

Историография критической мысли о Набокове свидетельствует, что по мере выхода его новых произведений негативные отзывы становились все сдержаннее даже у его крайних противников. Г. В. Адамович стал выражать одобрение наметившихся изменений в образной поэтике и стилистике набоковской прозы. Особенно тепло в русской эмиграции первой волны, да и в критических кругах, был встречен роман «Подвиг» – возможно, самый «классический» по форме и стилю в творчестве Набокова. Ностальгическая тематика романа – стремление героя на родину, в Россию, – не могла не найти отклика *в эмигрантской среде*.

Отдельные создания Набокова иногда объединяли два непримиримых критических лагеря. Так, роман «Отчаяние» был одинаково высоко оценен такими антагонистами в области восприятия набоковского творчества, как В. Ф. Ходасевич и Г. В. Адамович. При этом Г. В. Адамович делал акцент на русской классической этимологии романа, а В. Ф. Ходасевич осмысливал сложную онтологию произведения, вмещающую в себя несколько уровней смысла.

В послевоенной эмигрантской критике появлялись отзывы и на англоязычное творчество Набокова. Многие считали его отказ от русского языка потерей для национальной словесности и культуры. Наиболее значимыми «американскими» произведениями писателя русские в эмиграции, в отличие от англоязычных критиков, считали не «Лолиту» и «Бледное пламя», а эссе «Николай Гоголь», «Стихотворения 1929-51» и «Другие Берега». О последнем произведении писали, что это роман не столько о самой России, сколько о России набоковской: «Свет набоковского воспоминания покоится на его родителях и на том, что близко соприкасается с их домом; ничто постороннее не входит в его жизнеописание... Фонарь набоковской Мнемозины направлен лишь на далекое царство любви и отдохновения, и он глядит вдаль неомраченными детскими глазами, видя лишь тех, кого любит» [6, с. 8].

Причина ограниченного объема эмигрантских рецензий в 1940-1984 годах ясна: мало кто из критиков остался в живых. При этом стали издаваться многочисленные мемуары и эпистолярные сборники, в которых авторы порой истекали желчью в адрес успешного к тому времени русско-американского писателя. Очень показательны в этом отношении опубликованные в ту пору письма двух крупнейших литераторов русской эмиграции – И. А. Бунина и Б. К. Зайцева. Автор «Окаянных дней» без околичностей называет Сирина «словоблудом» и «косноязычным» [4, с.170-171.]. Исключением, пожалуй, является книга З. А. Шаховской «В поисках Набокова», вышедшая после смерти писателя в 1979 году. Автор сопоставляет русское творчество Сирина и американское наследие Набокова и отмечает нарастающую виртуозность писателя, в то время как достигла своего предела и «насмешливая надменность по отношению к читателю, но главное – его намечающаяся бездуховность» [11, 23]. Тон Шаховской уважителен, но лишен подобострастия, присущего зачастую англоязычной критике.

Для русской эмигрантской критики Владимир Набоков так и не стал полноценным американским писателем, но воспринимался как русский писатель, творивший в 1920-30х годах. Все, что было написано позднее, осмыслялось лишь как дополнение к основному корпусу его работ.

Известно, что в СССР с 1927 года был введен полный запрет на большинство эмигрантских изданий. Владимир Набоков, будучи сыном одного из основателей кадетской партии, безусловно, относился к литературным персонам *non grata*. Официально запрет продлился до 1988 года, но уже в 1986 году в СССР стали появляться в печати произведения писателя.

О. Н. Дюбанкова в упомянутом выше исследовании предлагает условное разделение советской критики, посвященной творчеству Набокова, на три этапа [2, с.72]:

– 1922 – 1957 гг. – писатель практически неизвестен, его произведения в СССР не печатают. В ангажированной аналитике той поры Набоков несколько раз упоминается как незначительный поэт и единственный раз (и это можно считать едва ли не чудом) – как талантливый прозаик.

– 1957 – 1986 гг. – имя и творения Набокова постепенно входят в советский литературоведческий дискурс. При этом до 1971 года о нем говорят преимущественно как о преуспевшем эмигранте, а после 1972 года – как о писателе (авторе «Лолиты»), переводчике и комментаторе «Евгения Онегина» и самобытном литературоведе (эссе «Николай Гоголь»).

– 1986 – 1991 гг. – произведения Набокова выходят отдельными изданиями и вызывают крайне противоречивую реакцию рецензентов: от «гениально» до «третьесортно». Критика перестает быть для российского читателя едва ли не единственным источником информации о Набокове.

Изменение отношения к писателю, согласно приведенной временной классификации, напрямую зависело от политической ситуации в СССР. Смысловое историческое расстояние: от борьбы с «прогнозирующей» эмигрантской литературой, которая, как тогда говорили, «изживает сама себя» – до оттепели 60-х гг., – чрезвычайно велико и в полной мере отражает процесс критического постижения грандиозного набоковского наследия. Важно ведь и то, что после Второй мировой войны Набоков стал едва ли не официально признанным *американским*, а не эмигрантским писателем, что, как это ни парадоксально, приоткрыло доступ советских критиков к его произведениям. Одно дело исследовать творчество бывшего соотечественника, изгнанника и эмигранта, другое – американского писателя-модерниста.

Увы, долгие годы обсуждалась лишь идеологическая сторона произведений Набокова, а не их художественная ценность. Но даже тогда, когда рецензии отдельных советских авторов казались в оценочном плане нейтральными и даже официально холодными, чувствовался неподдельный и искренний интерес к творчеству загадочного билингва. К сожалению, из-за очевидной государственной установки на тотальное неодобрение творчества писателя абсолютное большинство критиков, в том числе и очень достойных, писали примерно одно и то же, упрекая автора «Приглашения на казнь» в «американском идолопоклонстве», «моральной разнузданности» и «потере корней». Исключения составляют Ю. М. Лотман, С. С. Аверинцев и Д. С. Лихачева.

В этом контексте очень важно вспомнить Ю. М. Лотмана, придумавшего артистичный способ обойти советскую цензуру. Ученый напечатал исследование «Дара», озаглавив его

«Некоторые замечания о поэзии и поэтике Ф. К. Годунова – Чердынцева», то есть представил его как анализ произведения существующего автора, а не выдуманного героя романа Набокова. К сожалению, Набоков не дожил до публикации этой блистательной мистификации, которая наверняка пришлась бы ему по душе, если не по содержанию, то уж точно – по воистину гоголевскому жанровому оформлению.

Сегодня уже без ссылок на историческую конъюнктуру можно выделить два пути развития критической мысли о творчестве Набокова. Первый – анализ разного рода лингвистических, лексических, жанровых и стилистических приемов, виртуозно использовавшихся Набоковым для создания собственного литературного измерения в контексте мировой культуры. Тем, кто первым стал это делать успешно, как уже говорилось, был В. Ф. Ходасевич. Примечательна следующая мысль Ходасевича: «Его (Набокова – А. Ш.) произведения населены не только действующими лицами, но и бесчисленным множеством приемов, которые, точно эльфы или гномы, сную между персонажами, производят огромную работу: пилят, режут, приколачивают, малюют, на глазах у зрителя ставя и разбирая те декорации, в которых разыгрывается пьеса. Они строят мир произведения и сами оказываются его неустранимо важными персонажами. Сирин их потому не прячет, что одна из главных задач его – именно показать, как живут и работают приемы» [10, с. 9]. Второй путь осмысления обширного набоковского наследия – изучение того, что можно метафорически обозначить как «потусторонность» (otherworld) писателя. Первооткрывателем этой важной набоковской стези был Г. В. Адамович. Весьма примечательно, что в 1979 году мнение крупнейшего представителя «Парижской ноты» подтвердила вдова писателя Вера Набокова в предисловии к посмертному изданию стихов своего мужа.

Понятно, что неизмеримая многомерность набоковского творчества, как и сама его жизнь, дают возможность выхода за пределы обозначенных и прочно утвердившихся магистральных линий критического анализа. Представления о времени и пространстве с их уникальной поэтикой, проблемы исторической памяти и этно-ментального духа, метафорическая семантика и игра с литературными аллюзиями, как и многие другие важные составляющие набоковского творчества, – все это еще долго будет волновать взыскательных читателей, а стало быть, и критиков.

Лучшие создания Владимира Набокова являют собой удивительные образцы поэтического мировосприятия, даже если речь идет в них о сугубо прозаических явлениях. Каждое произведение выдающегося художника, по нашему убеждению, содержит в себе идеальную «формулу», скрытый метод своего исследования. При этом время, когда тайнопись Набокова будет окончательно расшифрована и объяснена, судя по всему, никогда не наступит. Так бывает только в тех случаях, когда мы имеем дело с явлениями вневременного порядка.

Литература

1. Гиппиус З. Современность // Числа. 1933. № 9. С. 143.
2. Дюбанкова О.Н. Восприятие В. Набокова в русской критике (1921 – 1991). М.: Издательство ИКАР, 2008. 180 с.
3. Классик без ретуши. Литературный миф о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. 688 с.

4. Письма И. Бунина к Б. Зайцеву // Новый журнал. 1980. № 138. С. 170 – 171.
5. Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников (1910—1980-е годы) / Николай Мельников. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. 264 с.
6. Сазонова – Слонимская Ю. Рецензия на «Другие берега» // Новое русское слово. 1955. № 15639. С. 9.
7. Сирин В. Рецензия «Литературный смотр» // Свободный сборник. Париж, 1939 //Современные записки. 1940. № 70. С. 283-285.
8. Струве Г. «Русская литература в изгнании», 1984; 2 издание, Париж: YMCA – Press.
9. Толстой И. «Зубастая женщина, или Набоков после психоза» // «Звезда». 1990. № 3. С. 178-183.
10. Ходасевич В. Рецензия. Современные записки, книга 63 // Возрождение. 1937. 15 мая. № 4078. С. 9.
11. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. – М.: Книга, 1991. 320 с.
12. Foster L. A. Nabokov in Russian Émigré Criticism // Russian Literature Triquarterly. 1972. № 3. P. 330-341.
13. Nabokov. The Critical Heritage. Edited by Norman Page. Routledge & Kegan Paul. London, Boston, Melbourne and Henley, 1982. 252 p.
14. Paperno S. & Hagopian J. V. Official and unofficial responses to Nabokov in the Soviet Union // The achievements of Vladimir Nabokov. Essays, studies, reminiscences and stories. Edited by G. Gibian and S. J. Parker – Ithaca, NY. 1984. P. 99-117.
15. Proffer E. Nabokov's Russian Readers // Triquarterly, 1970, #17. P. 253-260.
16. The Garland companion to Vladimir Nabokov. Edited by Vladimir E. Alexandrov. New York : Garland Pub. 1995 – 848 p.
17. Zverev A. Literary Return to Russia. New York: Alexandrov. 1995. P. 294-305.

“Sound and Repercussion”. A review of critical response to Vladimir Nabokov’s art

A.E. Shapiro (Litvar)

*the competitor of the Department of Foreign literature Gorkij literature institjut
alexandra.litvar@gmail.com*

The article looks at the process of critical perception of Vladimir Nabokov’s heritage in Russian-speaking émigré, soviet and Russian criticism. It analyzes not the reviews as such, but the attempts that were taken in the XX and the XXI centuries to interpret them. The purpose of this article is to point out the key concepts of Nabokovian critical studies of different years, emphasizing the works, belonging to the professional literary and journalist community, that truly respond to Nabokov’s art.

Key words: V. Nabokov, Nabokov studies, critical heritage, XX century literature, bilingual studies.

References

1. *Gippius Z. Sovremennost [Contemporaneity] // Chisla [Numbers]. 1933. № 9. P. 143.*
2. *Dubankova O. N. Vosprijatije V. Nabokova v russkoj kritike (1921-1991) [Perception of V. Nabokov in Russian Criticism (1921-1991)]. Moscow: Izdatelstvo IKAR, 2008. 180 p.*
3. *Klassik bez retushi. Literaturnij mif o tvorcestve Vladimira Nabokova: Kriticheskiye otzivi, essay, parodii [A classic without retoucjing. A Literary Myth about Vladimir Nabokov’s creative work: Criticism, Essay, parody]. Moscow: Novoje Literaturnoje obozrenije, 2000. 688 p.*
4. *Pisma I. Bunina k B. Zaitsevu [I. Bunin and B. Zaitsev’s Letters] // Novij Zhurnal [New Journal]. 1980. № 138. P. 170 – 171.*
5. *Portret bez shodstva. Vladimir Nabokov v pismah I dnevnikah sovremennikov (1910 – 1980je godi) [A Portrait with no Resemblance. Vladimir Nabokov in letters and diaries of his contemporaries (1910-1980s)]. – Moscow: Novoje Literaturnoje obozrenije, 2013. – 264 p.*
6. *Sazanova – Slonimskaja J. Retsenzija na Drugije berega [A Review of Other Shores] // Novoje ruskoje slovo [New Russian Word]. 1995. 20 fevralia № 15639. P. 9.*
7. *Sirin V. Retsenzija Literaturnij smotr. Svobodnij sbornik. Parizh, 1939 [A review. Literary Inspection. Free almanac. Paris, 1939] // Sovremennije zapiski [Contemporary Notes]. 1940. № 70. P. 283-285.*
8. *Struve G. Russkaja literature v izgnanii [Russian Literature in Exhile]. 1984; 2 izdanije, Parizh: YMCA – Press.*
9. *Tolstoj I. Zabastaja zhenshina, ili Nabokov posle psikhoza [Sharp-tongued woman, or Nabokov after psychosis] // Zvesda [Star]. 1900. № 3. P. 178-183.*
10. *Khodasevitch V. Retsenzija. Sovremennije zapiski, kniga 63 [Review. Contemporary notes, book 63] // Vosrozhdenije [Renaissance]. 1937. 15 Majia.*

11. *Shahovskaja Z.A.* V poiskakh Nabokova. Otrazhenija [In Search of Nabokov. Reflections]. – Moscow: Kniga, 1991. 320 p.

12. *Foster L.A.* Nabokov in Russian Émigré Criticism // Russian Literature Triquarterly, 1972. № 3. P. 330-341.

13. Nabokov. The Critical Heritage. Edited by Norman Page. Routledge & Kegan Paul. London, Boston, Melbourne and Henley, 1982. 252p.

14. *Paperno S. & Hagopian J. V.* Official and unofficial responses to Nabokov in the Soviet Union // The achievements of Vladimir Nabokov. Essays, studies, reminiscences and stories. Edited by G. Gibian and S. J. Parker – Ithaca, NY. 1984. P. 99-117.

15. *Proffer E.* Nabokov's Russian Readers. New York : Triquarterly. 1970. P. 253-260.

16. The Garland companion to Vladimir Nabokov. New York : Garland Pub., 1995. 848p.

17. *Zverev A.* Literary Return to Russia. New York : Garland Pub., 1995. P. 291-305.